

Я смотрел на Хозяина, касаясь раны на шее. Мне казалось, что у меня есть тысяча слов, которые я хочу ему сказать, но теперь, находясь всего в нескольких шагах от него, я чувствовал, будто между нами лежат целые миры.

В мире людей и в Мире Демонов я был живым существом, способным испытывать радость, гнев, печаль и удовольствие, как и все остальные.

Цин Ту, хоть и был правителем Мира Демонов, никогда не требовал от меня поклонения, и я не считал его своим господином. Мы общались на равных.

Но здесь, перед Хозяином, я был всего лишь рабом.

Я вспомнил, как совсем недавно я сам бросился на меч Цин Ту, и вдруг осознал: если Хозяин хочет, чтобы я жил, я буду жить. Если он хочет, чтобы я умер, я умру.

Тысячи лет я был с Хозяином, но никогда не задумывался о своём истинном положении.

Оказывается, я всего лишь ничтожный раб?

Хозяин стоял передо мной, касаясь раны на моей шее, и нахмурился:

— Без моего разрешения никто не имеет права менять твой облик.

Я хотел объяснить, запинаясь:

— Это всё из-за того человека, он...

Не дав мне закончить, Хозяин вдруг схватил мою руку, и я потерял контроль над своими воспоминаниями. Воспоминания о сотнях лет, проведённых в разлуке с ним, хлынули потоком, словно кадры из фильма.

Неужели даже мои собственные воспоминания не принадлежат мне?

Хозяин нахмурился:

— Мои вещи не должны быть осквернены чужими прикосновениями. Ты действительно опозорил меня, прожив эти сотни лет в таком жалком состоянии.

Гора Куньлунь была покрыта густыми лесами, её вершины скрывались в облаках. Повсюду можно было увидеть редкие сокровища, священных зверей и птиц.

Облака поднимались лёгким дымком, а вода струилась, создавая туман.

Дворец Пиюнь находился на вершине горы Куньлунь, впитывая энергию неба и земли, скрывая в себе красоту гор и вод.

В отличие от величественной и роскошной резиденции демонов, а также от священной и величественной Небесного дворца, здесь всё было просто и изысканно. Каждый камень, каждое дерево и каждое здание были устроены с таким мастерством, что вид их успокаивал душу.

Хозяин произнёс заклинание, и моя рана мгновенно зажила.

Он крепко держал мою руку, рассказывая мне историю каждого уголка горы Куньлунь. За тысячи лет Хозяин никогда не был так близок со мной, и я чувствовал себя одновременно смущённым и радостным.

Хозяин привёл меня в изысканную спальню. В комнате витал лёгкий аромат цветов, а на ажурных оконных рамах были вырезаны изображения животных из китайского зодиака. Луч света, проникавший сквозь облака, падал на зеркальный столик из жёлтого сандала, на котором лежали различные предметы из мира людей. В комнате стояла кровать с резными узорами, завешанная шёлковыми занавесками, а рядом — шкаф из наньму. Открыв его, я увидел множество одежд белого цвета.

Я смотрел на эти странные вещи из мира людей, которые я хотел купить, но не смог. Откуда Хозяин знал об этом? Неужели он всё это время не оставлял меня без внимания?

Цин Ту тоже дарил мне одежду, но она всегда была очень яркой, в соответствии с его вкусом. А этот шкаф был полон одежды в моём стиле. Видимо, даже будучи рабом, я занимал какое-то место в сердце Хозяина. При этой мысли все мои сомнения исчезли.

Однако я всё ещё сомневался, смотря на Хозяина с ожиданием и тревогой.

Всё это... действительно было подготовлено для меня?

Хозяин посмотрел на меня:

— Дворец Пиюнь теперь будет нашим домом. Я всё переделал, а эту Персиковую Обитель подготовил специально для тебя. Тебе нравится?

Моё лицо покраснело от волнения, и я заговорил сбивчиво:

— Дворец Пиюнь... наш дом?

— Да.

Хозяин слегка улыбнулся, и его улыбка была как таяние снега на вершине горы или лёгкий ветерок, пробудивший воду в пруду. Я замер, поражённый.

Я растерянно спросил:

— Эта комната... специально для меня?

— Да!

Хозяин всё ещё улыбался, и в его улыбке была доля нежности. Я был потрясён, словно находился во сне.

— Этот двор называется «Персиковая Обитель».

Хозяин всегда был как высокая гора или луна, недоступная для прикосновения, но сегодня он стал как мягкий ветер, пришедший из мира людей.

— Это название я придумал сам, а надпись на табличке перед двором я написал собственноручно. В «Книге песен» есть строки: «Персик цветёт, ярко сияет, девушка выходит замуж, и дом её процветает».

Я растерялся. В мире людей я много читал и знал, что это стихотворение «Персик» было признанием в любви мужчины к своей возлюбленной.

Хозяин был богом войны, знавшим только сражения и убийства, и, вероятно, не понимал истинного значения этого стихотворения.

Стоит ли мне сказать ему об этом? Я задумался, но потом решил промолчать. Лучше не разочаровывать его, чтобы он не рассердился. В будущем я постараюсь уговорить его почитать больше книг, чтобы избежать подобных недоразумений.

Хозяин коснулся моего лба, его голос был тихим и хриплым:

— Отныне ты можешь не называть меня Хозяином.

Но как же мне его называть? Вспомнив стихотворение, я вдруг понял. Хозяин провёл со мной тысячи лет и, вероятно, давно считает меня частью своей семьи. Он хотел сказать мне, что теперь мы — семья, а не господин и раб.

Но он ошибся с выбором стихотворения.

И почему он был так скрытен? Если бы я не читал книг в мире людей и не научился понимать людей, я бы не смог уловить его намёк.

Прожив сто лет в мире людей, я тоже начал мечтать о семейной любви. Я набрался смелости:

— Тогда... я могу называть тебя... папой?

Лицо Хозяина изменилось, как будто на нём смешались все цвета радуги. Он схватил меня за плечи, почти сжимая кости.

Я побледнел и заикался:

— Не могу называть папой? Тогда... учитель... можно?

Лицо Хозяина стало ещё мрачнее.

Я моргнул, растерянно глядя на него.

Его выражение лица исказилось, и он, казалось, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и быстро ушёл.

Оставив меня одного, сбитого с толку и беспомощного, смотреть ему вслед.

Он всё ещё был той недоступной вершиной, которую невозможно покорить.

Туман и холодный ветер ударили мне в лицо, и я стоял в центре комнаты, дрожа от холода и растерянности.

К моему удивлению, Хозяин запретил мне покидать дворец, но не стал плохо со мной обращаться. Он назначил небесных дев, чтобы они заботились обо мне, но запретил им разговаривать со мной. Каждый день эти девушки должны были заставлять меня читать.

Да, читать. Но это были книги о ритуалах и свадебных обычаях, такие как «Лицзи», «Правила для учеников», «Церемонии», и даже «Наставления для женщин» и «Уроки для женщин».

Я смотрел на стопку толстых книг о морали и самосовершенствовании, не в силах понять, считает ли Хозяин, что я невежественен и не знаю правил?

Я действительно переступил границы.

Служанки приготовили для меня бесчисленные чернильные палочки, и они по очереди растирали их для меня. Каждый день в Персиковую Обитель привозили телеги с бумагой.

Через несколько дней Хозяин создал в моей комнате «пруд» с помощью магии и велел мне мыть в нём кисти и чернильницы. Он рассказал мне о знаменитом каллиграфе из мира людей,

Ван Сичжи, который так усердно практиковался, что превратил пруд в чернильное озеро.

Но, глядя на этот бескрайний сверкающий пруд, я не мог не сомневаться: неужели чернильное озеро Ван Сичжи было таким огромным? И вода в нём была проточной?

Я был в отчаянии. Неужели мне придётся переписывать книги до конца времён? Этот каллиграф из мира людей действительно был несносным! Он меня погубил.

Хозяин сказал, что благородный человек из мира людей должен обладать добродетелью, речью, внешностью и талантом. А я некрасив, не умею говорить и не обладаю талантами. С внешностью, речью и талантом мне уже не помочь, поэтому я должен совершенствоваться в добродетели, чтобы хоть как-то выделяться. Иначе меня даже неудобно будет показывать на людях.

Показывать? Я возмутился. Разве я собака?

Хозяин, который провёл сотни лет в Пруду Молний, не произнес ни слова, всегда был величественным и недоступным, а теперь, став богом, он вдруг начал вести себя так странно! Где же его прежнее молчание?

Но самое ужасное было то, что каждый день, кроме сна и еды, я должен был без остановки писать и читать вслух.

И так по всей горе Куньлунь разносился мой голос, читающий книги.

<http://bllate.org/book/15420/1372309>